

УДК 82.09

Довгий О.Л.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПИР У ГРАФА ХВОСТОВА»

Аннотация. Материал представляет собой краткий отчет о прошедшем в мае 2015 г. в Российском государственном гуманитарном университете круглом столе «Пир у графа Хвостова».

Ключевые слова: граф Д.И. Хвостов, русская поэзия, европейская культура, словесное и визуальное, RES et VERBA.

23 мая 2015 г. в РГГУ прошёл круглый стол «Пир у графа Хвостова», организованный гуманитарным клубом «Intrada» при тесном сотрудничестве с Историко-филологическим факультетом РГГУ и Институтом мировой литературы им. А.М.Горького РАН [2].

Тема встречи звучит неожиданно и даже дерзко: Граф Хвостов во всеобщем мнении – «король графоманов», «пародическая личность», мишень для насмешек собратьев по перу. Тем не менее, Intrada решила оставить в стороне штампы и взглянуть на творчество поэта непредвзято. Благо и повод был: круглая дата со дня смерти (180 лет).

В работе круглого стола приняли участие известные учёные из РГГУ, ИМЛИ, МГУ, МПГУ – филологи, историки, культурологи, искусствоведы. Всем нашлось, что сказать о творчестве графа.

Открыла конференцию **О.Л.Довгий**, рассказавшая о том, в чем основной пафос хвостовского пира.

Затем слово взял **Е.В.Пчелов**, напомнивший собравшимся об историческом пире у книгоиздателя А.Ф.Смирдина 19 февраля 1832 года, где граф Хвостов читал свои стихи. Картинка, изображающая обед у Смирдина, оказалась идеальной заставкой для экрана круглого стола.

А.В.Марков (РГГУ-МГУ) в докладе «Цепь веков» – к истории штампа от Хвостова до наших дней» подробно рассмотрел историю формулы «цепь веков». Образ «цепи веков» оказывается у Хвостова частью кончетто, объединяющего гром, грозу, струны и цепь: «Воспламененных лир паря далече струны/Гремят сквозь цепь веков, как грозные перуны». Адресат стихотворения Хвостова, Державин, разыграл это отношение грома цепи и огненного перуна в знаменитых строках: «Вид лета красного нам Александров век: /Он сердцем нежных лир удобен двигать струны; /Блаженствовал под ним в спокойстве человек, /Но мечет днесь и он перуны».

Летний жар оказывается световым явлением, но это образ вспомогательный, эпоха сравнивается с временем года. Сам же век, будучи основным образом, оформлен звуком, а не видом: он звучит и навеивает блаженство. У Хвостова и Державина описывается одно действие: искусство способно подвинуть на битву именно потому, что оно оказывается предельным приложением политических действий. Политика через множество обстоятельств и опосредований оказывается искусством, и именно искусство тогда является прямым политическим действием. Так кончеттистская техника позволяет перейти от эмпирического познания (зрительного образа) к звуку, который понимается как нечто осязаемое, и потому непреложное в своей убедительности. Но если здесь мысль поэтов одной эпохи еще движется в рамках общей символики чувств, в которой зрение только помогает ориентироваться, а слух позволяет проникнуться происходящим – то сам образ веков как цепи оказывается неожиданным. Этот образ стал обычным и в современной любительской поэзии (множество примеров в своде Стихи.ру).

Образ цепи веков имеет два источника: с одной стороны, это античная мысль об исчислении как о цепочке все больших результатов, и о сумме как завершении этой цепи, с другой стороны, это смешение понятий *siècle* и *âge*, неизбежное при неустойчивости русской терминологии, обозначающей время. Уникальная констелляция двух факторов и привела к тому, что Хвостов опередил свое время и создал образ цепи веков как воспроизводящегося порядка, который находится под зрительным контролем, в то время как искусство действует как звук, гром, меняя саму чувственность и само осознание происходящего.

Но почему цепь веков, а не времен? Слово век унаследовало как значение возраста – что разные возраста подчиняются одному и тому же призыву – так и значение библейского века [на иврите. - Ред.], который именно бесконечен по умолчанию – бесконечно длится, пока Бог не прекратит его длительность. Всемогушество Бога состоит не в создании бесконечности, а в ее прекращении, в замещении этой бесконечности земли или того света Своей бесконечностью. Тогда цепь веков – это цепь вмешательств Бога, определяющих повседневное существование. Поэтому стихотворение должно расшифровываться так: воля Божия исполняется в истории, а цель искусства – приближаться к воле Божией, к ее постижению. Цепь веков оказывается важным моментом создания образа поэта-пророка, поэта, особенно чуткого к воле Божией, поэта пушкинского, а вовсе не старого типа.

М.Ф.Надъярных (ИМЛИ РАН) в докладе «Сложное косноязычие Хвостова» осмысливала принципы обустройства иносказательных смыслов в текстах Дмитрия Хвостова. Первым шагом

стало обращение ко Второму посланию графа «О басне, сказке и прочее», известному как «Послание о притчах». Анализируя поэтику именованного, концептуальное многоязычие «Послания», докладчица говорила о том, что рассуждения Хвостова требовали от реципиентов вполне современных, сравнительно-сопоставительных усилий, связанных с включенностью реципиента в некоторый межкультурный «герменевтический опыт». Сцеплению в «Послании» и комментариях к нему множества имен собственных вполне соответствует особое сцепление то ли полусокрытых друг другом, то ли друг за другом открывающихся понятий (жанровых наименований) – притча, аполог, басня, фабула. Восстанавливая особенности понимания фабульно-басенных иносказаний от Средневековья до Возрождения (в текстах Исидора Севильского, Доменика Гундисалина, Эразма Роттердамского), докладчица обращала внимание на то, что фабула-басня, традиционно входившая в круг начального детского чтения и организовывавшая вхождение ребенка в мир свободных искусств (от грамматики к риторике), всегда была странным пограничем, где объединялось жизненное и вымышленное (фикциональное), особым образом соотносимое с идеей сокрытой, но открывающейся истины. Эти традиционные смыслы, припомиаемые в известном трактате Лессинга (концентрировавшегося на басенной эвристике), находят отчетливое воплощение в текстах (не только собственно притчевых или басенных) Хвостова, где мотивы сокрытых истин, сокрытых сокровищ, как и мотивы их открытия, в т.ч. мотивы открытия / изобретения смысла, мотивы научного открытия играют самую существенную роль. Они соотносятся с основной творческой интенцией Хвостова: вместить в литературу все, что в силу особенного ритма развития отечественной словесности в ее «поле» – «сферу» – «мир» – «пространство» не было включено. В этом Хвостов схож с Кантемиром, Державиным, Ломоносовым и т.д. Но Хвостов совершенно безудержно переводит неготовую российскую реальность в готовое слово литературы, проводит границу между миром реальным и литературным, который у него, однако оказывается каким-то парадоксальным («барочным») «миром наизворот», – миром инверсий, эмфаз, иносказательно-зеркально преобразующих мир.

В докладе **Е.В.Пчелова** (РГГУ) на конкретных примерах продемонстрирована мнимость многих нелепостей и неувязок («зубастые голуби», «ослиные лапы» и т.п.), высмеиваемых современниками в баснях Хвостова, и показана адекватность басенного творчества Хвостова традиции русского литературного классицизма времён Сумарокова.

О.Л.Довгий (МГУ) в докладе «Почему Хвостов ”глубок, игрив и разен”» предложила посмотреть на пушкинскую триаду эпитетов как на ключ к разгадке тайны и хвостовского творчества, и причины стабильно иронического отношения к нему. Эта триада – по сути синоним формулы «великий комбинатор». Хвостов – мастер обманывать ожидания; он непредсказуем, быстр – а потому часто кажется тёмным и непонятным. У Хвостова богатый запас на уровне *inventio* (особенно уютно он себя чувствует в области поэтологической и бестиарной: свойства разных стихов и зверей самых разных пород ему хорошо знакомы), позволяющий ему проводить самые рискованные эксперименты на уровне *dispositio* и *elocutio*. Специальное внимание было уделено

любимой хвостовской комбинаторной операции замены; его бесконечным играм с номинациями и переименованиями.

Среди многочисленных направлений изучения поэтики Хвостова особенно перспективным представляется его связь с европейской эмблематической традицией. Большинство сюжетов хвостовских притч имеет параллели в книгах эмблем. Остроумие, быстрота, комбинаторность мышления, непредсказуемость моральных уроков, бестиарные учителя – все эти свойства роднят поэзию Хвостова с жанром эмблем. Эмблему часто невозможно истолковать однозначно. В этом залог ее долговечности и универсальности применения; но и опасность недоверчивого, скептического отношения из-за нежелания дать себе труд вдумчивого прочтения. Таковы и притчи Хвостова. То, что кажется катахрезой и галиматьей, при внимательном рассмотрении оказывается изощренной комбинаторной игрой. Смеяться всегда проще, чем попытаться понять и объяснить. Хвостов нуждается в медленном чтении, в осмыслении – и тогда станет ясно, что говорить о поэтическом новаторстве Хвостова вполне правомерно.

Д.П.Ивинский (МГУ) в докладе «Из комментария к лицейской лирике Пушкина: Барков и Хвостов в «Городке»» обратился к вопросу о том, почему Барков и Хвостов в этом произведении именуется одинаково – Свистовым. Поскольку все известные копии стихотворения (автограф утрачен) дают указанное чтение и, следовательно, нет оснований подозревать порчу текста автором или первым публикатором, докладчик счел возможным рассмотреть версию о сознательном авторском решении. Как выяснилось, все сколько-нибудь существенные пушкинские упоминания о Хвостове после «Городка», связанные с обсуждением литературной ситуации в целом или отдельных ее аспектов, отдельных жанров, авторских репутаций и т.п. строятся по модели, реализованной в этом стихотворении или сопоставимым образом. Так, в послании «Моему Аристарху» (1815) Хвостов оказывается един в трех лицах; в «Оде его сиятельству графу Хвостову» (1825), как показал еще Тынянов, задеваются Кюхельбекер и Рылеев, Пушкин и Вяземский в письмах 1825 г. комически отождествляют с Хвостовым друг друга; в эпиграмме «Седой Свистов, ты царствовал со славой...» (1829) с Хвостовым, обеспечивая преемственность, сближается «Свистов Второй», т.е. Н.И.Надеждин или, по другой версии, М.А.Бестужев-Рюмин. Смысл приема – в конструировании образа «перевернутой» / «инфернальной» литературной реальности, которая в пародийно-полемической перспективе может объединять сколь угодно далеких друг от друга поэтов. В «Городке» Барков и Хвостов противопоставлены (первому невозможно подражать, второго – слушать) и вместе с тем соотношены как литературные личности, представляющие «*Inverso Mundus*» русской литературы, «карнавализация» которой мыслилась Пушкиным как возможный, но неприемлемый вариант развития.

А.В.Святославский (МПГУ) в докладе «Образы природы в одической поэзии графа Д.И.Хвостова: Речевые средства образительности и проблема преемственности» на материале одической поэзии гр. Дмитрия Ивановича Хвостова проанализировал особенности выбора стилистических и риторических тропов и иные средства формирования художественного образа природы. Тема природы в одах графа Хвостова рассмотрена в контексте общего литературного

процесса в России, начиная с раннего классицизма. Особенности авторского видения по отношению к природе и проблемы формирования образа природы у Хвостова сопоставлены с речевыми приемами монологической и диалогической речи при обращении к этой теме у В.К.Тредиаковского, А.П.Сумарокова, А.С.Пушкина, М.М.Пришвина, А.П.Платонова. Отмечена продуктивность ряда творческих приемов Хвостова с точки зрения литературного процесса XIX – XX вв. Предметом анализа в докладе А.В.Святославского стала также проблема ностальгии и место образов «малой родины» как источников поэтического вдохновения в творчестве Хвостова.

А.Г.Волховская (ГМП-ИМЛИ РАН) в докладе «Граф Хвостов и "гишпанцы"» напомнила об одном занимательном эпизоде русской истории, который, благодаря участию графа Д.И.Хвостова, остался также в истории литературы.

2 мая 1813 года в Царском Селе прошла торжественная церемония присяги испанского полка испанскому королю Фердинанду VII, конституции кортесов и российскому императору Александру I. Полк был сформирован из солдат армии Наполеона, которые были захвачены во время Пиренейских войн. Полк, получивший название Александровского, изначально задумывался как личная гвардия матери императрицы, Марии Федоровны. В конце 1813 года он был отправлен в Испанию (подробнее см. Алексеев М.П. Этюды из истории испано-русских литературных отношений).

Среди почетных гостей на церемонии присяги присутствовал Д.И.Хвостов, который к этому случаю сочинил и зачитал стихотворение «На присягу испанцев в Сарском селе». В этом стихотворении граф Хвостов многократно использует прием эмфатических конструкций, представляя это удивительное событие в еще более гиперболизированном восприятии. Граф Хвостов говорит о том, что Испания была одной из первых стран, открыто выступивших против французской армии, но поражение Наполеона стало очевидным только после того, как в противостояние вступила Россия, продолжившая и завершившая начатое Испанией правое дело. Так же он отмечает, что испанцы, получив помощь и поддержку императора, присягнув на верность своему королю и конституции, теперь возвращаются на родину, чтобы осуществить «кровавую месть».

А.Е.Махов (РГГУ – ИНИОН РАН – ИМЛИ РАН) в докладе «“Змея скакала”. Иконографический фон визуального мотива» соотнес абсурдистский образ рассеченной, но скачущей змеи (из притчи «Мужик и змея») с приемами визуализации змеи в европейской иконографии [3]. Скачущая, парящая, клубящаяся в воздухе змея в европейском искусстве — совсем не редкость, что и дает автору повод предположить существование связи между визуальным мотивом из басни Хвостова и соответствующей иконографической традицией.

Как и на других круглых столах Интрады [1], на хвостовском пиру не было жесткого регламента, а была свободная дискуссия, живой обмен мнениями. Участники признали, что это действительно был настоящий интеллектуальный пир. В конце всем участникам был подарен томик сочинений графа Хвостова, выпущенный Интрадой в 1999 году [4].

По материалам первой хвостовской конференции решено собрать коллективную монографию. А «пиры» будут продолжаться. Герой третьего пира (май 2016 г.) – А.П.Сумароков.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Довгий О.Л.* «Пир у Кантемира». Круглый стол в РГГУ // Культурологический журнал = Journal of Cultural Research. 2014. №2/16. Эл. ресурс: URL: http://www.cjournal.ru/rus/journals/274.html&j_id=19

[2] *Довгий О.Л.* Презентация новинок гуманитарного клуба Intrada у «Кентавра» // Вопросы культурологии. 2015. № 1. С. 104–105.

[3] *Махов А.Е.* Эмблематика: Макрокосм. – М.: Интрада, 2014. – 600 с.

[4] *Хвостов Д.И.* Сочинения. – М.: Intrada, 1999. – 224 с.

© Довгий О.Л., 2015.

Материал поступил в редакцию 24.05.2015.

Довгий Ольга Львовна,

кандидат филологических наук,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва),

e-mail: olga-dovgy@yandex.ru

Dovgiy O.

ROUND TABLE 'FEAST OF COUNT KHVOSTOV'

Abstract. This material is a brief report about the round table «Feast of count Khvostov» which took place in May 2015 in the Russian State University for the Humanities.

Key words: count D.Khvostov, Russian poetry, European culture, verbal and visual, RES et VERBA.

Dovgiy Olga L'vovna,

PhD in Philology, Faculty of Journalism,

Lomonosov Moscow State University (Moscow)